

2014

11

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Журнал
**РОССИЙСКОГО
ПРАВА**

Journal

OF RUSSIAN LAW

- Имплементация судебных решений в российское законодательство: реалии и перспективы
- Мягкое право и верховенство права
- Новая концепция местного самоуправления

Обоснование идеи имплементации судебных решений в законодательные акты

ЛАЗАРЕВ Валерий Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Российская Федерация, 107078, г. Москва, Большой Харитоньевский пер., 22/24

ФУРСОВ Дмитрий Александрович, профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского, административного и арбитражного процессуального права Российской государственного университета правосудия

Российская Федерация, 117418, г. Москва, Новочеремушкинская ул., 69

При внесении законодательных инициатив редко обращаются к судебной практике. Системного подхода к ней как к первоисточнику, питающему законотворчество, в отечественной науке до настоящего времени не существует. Авторы обосновывают необходимость анализа принципиальных (прецедентных) судебных решений на предмет возможной имплементации правовых позиций судов в законодательные акты. Проблема не исчерпывается восприятием положений, создаваемых конституционными судами или судами межгосударственными. Общие суды также причастны к нормотворчеству. Национальные суды в отдельных случаях выносят столь же принципиальные решения. В ходе судебных разбирательств рождается иногда даже более абстрактное правило, чем правило, созданное законодателем. В решениях судов, вынесенных при пробельности законодательства, всегда просматривается новое нормативное положение, заслуживающее стать полноценной нормой через особую процедуру восприятия законодателем. В статье указаны основные направления предстоящей деятельности по реализации идеи имплементации и ее доктринальному сопровождению. Авторы приходят к выводу, что в российских условиях приемлемыми и эффективными могут быть не только континентальные подходы к судебной практике. В Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации создан отдел, на который возложена соответствующая работа.

Ключевые слова: суд, судебное решение, имплементация, правовые позиции, прецедент, мониторинг, инновация, источник права, совершенствование законодательства.

Justification of the Idea of Implementation of Judicial Decisions in Legislative Acts

V. V. Lazarev, doctor of jurisprudence, professor

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
22/24, Bolshoy Kharitonievsky pereulok, Moscow, 107078, Russia

E-mail: Lazarev@izak.ru

D. A. Fursov, doctor of jurisprudence, professor

Russian State University of Justice

69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, 117418, Russia

E-mail: fursovda@yandex.ru

In making legislative initiatives rarely turn to the judicial practice. Systematic approach to jurisprudence as the primary source, the supply lawmaking, in domestic science to date does not exist. The authors justify the need for fundamental analysis (precedent) judgments concerning the possibility of the implementation of the legal positions of the courts in the legislation. The problem is not confined to the perception of the provisions established by the constitutional courts or courts of interstate. The general courts are also involved in rulemaking. National courts in some cases make fundamental decisions. During judicial proceedings is born sometimes less, and even more abstract rule, the rule created by the legislator. Court decisions made at the gaps in the legislation always seen a new regulation that deserves to become a full-fledged norm through a special procedure

for the perception of the legislator. In article identifies the main directions of future activities of the forthcoming implementation of the idea and their doctrinal support. The authors conclude that in the Russian context acceptable and can be effective not only continental approaches to jurisprudence. The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation established a department entrusted with the relevant work.

Keywords: court, judgment, implementation, legal positions, precedent, monitoring, innovation, source of law, improvement of legislation.

DOI: 10.12737/6003

Общеметодологические подходы. Имплементация решений судебных органов в законодательство Российской Федерации — так была обозначена проблема в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (далее — Институт) и на этой основе принято решение о создании научного отдела, который будет этой проблемой заниматься. Бесспорно, что судебная практика влияет на совершенствование законодательства, а специально ее изучение в русле профиля Института ни на кого не было возложено. Однако принятое решение имеет под собой ряд основополагающих теоретических и практических позиций, которые не столь однозначны и потому нуждаются в серьезном осмыслении.

Последовательные сторонники теории разделения властей изначально могут усомниться в целесообразности состоявшегося решения, усмотрев некое посягательство судебной власти на прерогативы власти законодательной. Приверженцы теорий народоправства увидят в нем умаление роли представительного органа. Принципиальные демократы могут усмотреть отрицание демократических принципов реформирования законодательства, отклонение от демократического политического режима. Привычная (господствующая) парадигма правового сознания скорее допустит подзаконное правотворчество правительства, правотворчество министерств и ведомств, чем правотворчество судебных органов. Между тем не лишена оснований точка зрения, согласно которой из Конституции РФ не вытекает, что

судебной власти отведено среди властей лишь третье место.

Решение любых вопросов требует указания на некие исходные идеи, составляющие общеметодологическую базу соответствующих выводов. По избранной теме представляется уместным обратиться к многовековой борьбе идеализма с материализмом и, в частности, взглядам Платона и Аристотеля, представлявшим ту и другую методологию. Первый, как известно, обращал свой взор на небо, полагая, что идеи правят миром и умным правителям достаточно установить объективную идею, чтобы на ее основе принять правильное решение. Некоторое время, пока Аристотель не развеял его заблуждений, Платон полагал, что можно обойтись и без законов. Аристотель же не только признавал необходимость законов, но и видел их содержание в реальных общественных отношениях, в удовлетворении земных требований. Вопрос о том, что питает законы, вопрос об источниках законодательной деятельности не утрачивает своего значения, и на сегодняшний день существуют самые разнообразные взгляды на этот счет. Для кого-то это воля (классовая или общесоциальная), для кого-то — интерес (экономический или политический или сугубо эгоистический), а кто-то вообще обходится без субъекта, поскольку сами отношения, само состояние отношений диктует поведение¹. Кроме того, есть множество разновидностей

¹ См.: Оливекрона К. Право как факт // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1.

субъективного идеализма, ориентирующих на поиск содержания права в сознании и подсознании индивидов. Даже при таком конспективном и упрощенном изложении просматривается потребность в своего рода интегративном (интегральном) подходе, вбирающем в себя поиск самых разных взглядов, оправдывающих сосуществование многообразных факторов, питающих как содержание закона, так и волю его создателя². Вывод: законодательство в идеале охватывает все многообразие фактических реалий, процеженных через сито психических процессов, осмысленных в свете общих законов мироздания.

Классическим юристам континентальной правовой системы привычно положение, согласно которому суд следует воле законодателя, и совершенно недопустимо обратное, когда законодатель в своем творчестве следует судебной воле. В предложениях о необходимости имплементировать судебные решения (не всякие) в законодательство не идет речь об обязанности законодателя закрепить судебную позицию нормой закона³, как не идет речь и о том, чтобы

² С социологической точки зрения представляется все-таки односторонним философский тезис, превозносящий среди всех правотворческих факторов именно волю: «...Законы порождаются усилием воли или решением. Они не вырастают, как цветы на органической национальной почве. Их не просто находят в традиции — их создают, причем рациональное проектирование играет здесь не большую роль, чем волевой импульс. Истоки и мотивация этой пульсации находятся в непостижимой трансцендентной глубине. Законы извлекаются не из фактов, а из нашего собственного Я, и реальность следует распределять так, как диктует воля» (Исаев И. А. *Нормативность и авторитарность. Пересечения идей*. М., 2014. С. 74).

³ Даже в американской правовой системе, несмотря на признание принципа *stare decisis*, общее право занимает самую нижнюю ступеньку в иерархии источников права, и законодатель может по своему усмотрению

судебная норма действовала наряду, вместе или вопреки закону. Выбирается компромиссный вариант: законодатель делает позицию суда своей. Это отвечает и строгому социологическому подходу, согласно которому большинство законодательных норм вышли из содержания «норм решения», сформулированных конкретным юристом применительно к конкретному спору, содержащему вербализованный смысл, претендующий на общезначимость⁴.

Вместе с тем постклассические правовые реалии, признающие конституционное правосудие, перестроили привычные убеждения и, в случае признания действующих норм неконституционными, законодатель безоговорочно обязывается следовать судебной воле. В системах общего права для этого нет необходимости предпринимать какие-то дополнительные усилия. В романо-германских — законодатель обязан отреагировать на решение конституционного суда, и одной из форм такой реакции будет закрепление судебной правовой позиции в законодательной норме. Это позволяет отдельным авторам характеризовать Конституционный Суд РФ в качестве «квазиправотворческого органа»⁵.

отменять или изменять созданные на его основе (или даже на основе толкования статутных норм) прецеденты (см.: *Бернам У.* *Правовая система США*. Вып. 3. М., 2006. С. 106, 108).

⁴ См.: *Эрлих О.* *Основоположение социологии права*. СПб., 2011. С. 212—213.

⁵ «Конституционный Суд, получая институционное оформление как правоприменительный юрисдикционный орган, объективно, по самой природе своей деятельности и особенностям юридической силы принимаемых решений, все в большей степени приближается в своих итогово-правовых характеристиках к нормативно-установительной юридической практике, к правотворчеству» (*Бондарь Н. С.* *Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия*. М., 2011. С. 96). Подобное положение, по мнению ряда ученых, а также практиков, занимает и Верховный Суд РФ (см., напри-

С некоторыми оговорками ситуацию, складывающуюся в связи с рядом решений конституционных судов, можно уподобить ситуации вокруг решений Европейского суда по правам человека. Нюансов много, но общие позиции ЕСПЧ требуют введения их в национальное законодательство.

В новейшей литературе подчеркивается участие судов Российской Федерации в выработке и осуществлении правовой политики и, соответственно, признается роль судебной политики в коррекции политики законодательных органов, но только по отношению к ЕСПЧ делается вывод о беспрецедентном (по степени) воздействии его решений на законодательство и соответствующие институты правовой системы⁶. Между тем такой подход оправдан и по отношению к российским судам, которые в отдельных случаях выносят столь же принципиальные решения. В ходе судебных разбирательств рождается иногда не менее, а даже более абстрактное правило, чем правило, созданное законодателем⁷.

Проблема не исчерпывается имплементацией норм, создаваемых конституционными судами и судами межгосударственными. Общие суды также причастны к нормотворчеству. Это теоретически и практически обосновано там, где в качестве источника права признается судебный, а также административный прецедент⁸. Но

мер: Гук П. А. Нормотворческая функция высших судебных органов России // Правовое государство и правосудие: проблемы теории и практики: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (15—19 апреля 2013 г.). М., 2014. С. 512—513.

⁶ См.: Суд как субъект правовой политики / под ред. А. В. Малько. М., 2014. С. 9, 15, 19.

⁷ См.: Хайек Ф. А фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 105.

⁸ Подробнее см.: Лазарев В. В. Прецедент: реалии и перспективы в российском праве // Российское правосудие. 2012. № 4. С. 6—15.

здесь проблема имплементации судебных решений в законодательство может и не вставать, поскольку прецеденты действуют самостоятельно. Во весь рост вопрос об имплементации решений судебных органов встает там, где прецедент подвергается сомнению в качестве самостоятельного источника, где всякое нормативное регулирование связывается с изданием в установленном порядке общего правила поведения. И тогда может показаться логичным всякую общую позицию судов проводить через законодательную процедуру. Но нам представляется, что более логично и, что немаловажно, экономично проводить такое решение через специальную процедуру имплементации решений судебных органов в действующее законодательство.

Мы говорим о судебных органах и по той причине, что понятие «суд», как ни странно, в России не получило вполне определенного законодательного закрепления⁹, а также потому, что это позволяет анализировать общие решения, например, таких органов, как пленум или президиум суда. Именно в ходе обобщения ими судебной практики выкристаллизовываются нормы, которые в последующем часто находят воплощение в законе. Сформулированные высшими инстанциями общих судов позиции формально не обязательны для законодателя, но в действительности последний черпает в них содержательный материал для своих актов. И было бы правильным процедурными (регламентными) нормами закрепить обязательность во-

⁹ Нормативное закрепление понятий «суд» и «судебная деятельность» (см., например, Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации») ничего не дает (*idem per idem*) и может служить лишь примером плохого знания юридической техники. К судебным актам законодатель относит только акты, вынесенные по существу конкретного дела.

влечения судебных позиций в законодательный процесс¹⁰.

В отечественной литературе обращается внимание на рождение правовых норм именно в ходе обобщения и анализа сложившейся практики. При этом решения отдельных судов даже по знаковым делам чаще всего остаются без внимания. Между тем, особенно при пробелах в законодательстве, именно в них формулируется прямо или системно просматривается новое нормативное положение, заслуживающее стать полноценной нормой через особую процедуру восприятия законодателем. Отсюда напрашивается создание полновесной системы обратной связи законодателя и правоприменителя, отработка информационных и организационных аспектов системы мониторинга принципиальных решений.

Установление мониторинга законодательных и правоприменительных актов, закрепление соответствующих обязанностей правовыми актами высокой юридической силы и возложение контрольных функций на Минюст России сказывается положительно. Однако необходимо доктринальное сопровождение проводимой работы. Именно эту цель преследует создание в Институте отдела по имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации.

¹⁰ Вовлечение их в правоприменение уже происходит. На решения высших судебных инстанций можно ссылаться при рассмотрении дел в арбитражном суде. Отсюда наше положительное отношение к законопроекту, в котором предлагается дополнить соответствующие нормы УПК РФ, предусмотрев возможность при вынесении оправдательного или обвинительного приговора в мотивировочной его части ссылаться на соответствующие рекомендации Пленума или определения Президиума ВС РФ (см. законопроект № 505194-6 «О внесении изменений в статьи 305, 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части уточнения содержания описательно-мотивировочной части приговора)).

Задачи перед ним ставятся узкоспециализированные, но, как представляется, ключевые во всей деятельности по мониторингу положения дел в правовой сфере.

Все органы, которые прямо или косвенно имеют отношение к проявлению законодательной инициативы, включают в себя структуры, на которые возлагается обязанность обобщать правоприменительную практику, практику реализации права. Но особо важное значение приобретает работа специальных отделов анализа и обобщения практики, созданных в Конституционном Суде РФ, Верховном Суде РФ и в Аппарате Уполномоченного РФ при Европейском суде по правам человека. Это объясняется по меньшей мере двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что именно в названных органах формируются основополагающие правовые позиции, имеющие значение для совершенствования действующего законодательства, и, во-вторых, близостью судебных органов к первичным процессам формирования (рождения) права. Столкновение жизненных интересов, судебных споры, противостояние позиций сторон — вот основа развития живого права. Это то, что неведомо законодателям, чей образ жизни связан скорее с политикой¹¹. Многие теоретические, практические, идеологические и исторические обстоятельства позволяют отдавать первенство в правотворчестве именно судебным органам, а не парламентам. Да, законодатель возводит право в закон, но это уже другая стезя, иная по сути своей работа.

Суд — один из субъектов, осуществляющих в правопорядке коммуникативную функцию. Через его властные полномочия идет правообразование, правореализация и правоохрана. Нельзя не согласиться с исследователями, которые признают правосудие причастным как к есте-

¹¹ См.: Бруно Л. Свобода и закон. М., 2008. С. 38.

ственному, так и позитивному праву; видят в нем критерий для всякого решения и любой инстанции; видят его присутствие в каждом законе в качестве идеи, внеюридической предпосылки для законодательной мысли; рассматривают правосудие в качестве посредника между божественными и человеческими законами, между разумом и справедливостью¹². Поводырем в таком посредничестве должна выступать наука¹³. Она только тогда оправдывает свое название и свое назначение, когда всеми нитями прямо или косвенно связана с правовой практикой, целями этой практики и ее реалиями. Любая правовая теория всегда имеет нечто такое, что возмущает или, напротив, приветствуется судебной практикой. Тем самым она приобретает статус «настоящей». «...Настоящая теория естественного права — это попытка объективно отразить требования и идеалы практической разумности, а не идеализма»¹⁴.

Создание в Институте отдела по имплементации решений судебных органов в законодательство Россий-

¹² См.: *Исаев И. А.* Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006. С. 175; *Ямпольский М.* Физиология символического. Кн. 1: Возвращение Левиафана. М., 2004. С. 67.

¹³ См.: *Реутов В. П.* Судебная практика и юридическая наука: взаимодействие в процессе развития законодательства // Правовое государство и правосудие: проблемы теории и практики. С. 75—82. Иногда наука непосредственно влетает в ткань практической деятельности по формированию правовых позиций суда и в результате создается по существу готовый продукт для восприятия его законодателем (см.: *Лазарев В. В.* Диссеминация науки в Конституционном Суде РФ // Правовое государство и правосудие: проблемы теории и практики; *Он же.* Инновационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как разновидность практики конституционализма // Судья. 2013. № 12. С. 33—38).

¹⁴ *Финнис Дж.* Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 50—51.

ской Федерации следует рассматривать именно в русле активизации научных исследований природы и места решений судебных органов во всем многообразии их форм, возможностей самостоятельного и эффективного регулятивного действия и необходимости, при определенных условиях обязательного закрепления в законе. Соответственно, ставится задача изучения судебной практики, проведения анализа отдельных судебных решений на предмет возможного восприятия их законодателем. Особое внимание должно уделяться правовым позициям КС РФ и ВС РФ, но предполагается, по возможности, также отслеживание и анализ прецедентных решений ЕСПЧ, других межгосударственных судебных органов, а также всех тех правоприменительных решений международных органов, которые по своим свойствам могут претендовать на вхождение в правовую систему Российской Федерации.

Создание в Институте названного отдела стратегически инновационно, поскольку учитывает перспективы сближения правовых систем.

Основные направления реализации идеи имплементации. Идея имплементации, т. е. наполнения законодательных актов новым содержанием по результатам их реализации органами судебной власти, суть закономерность любой управленческой деятельности, в ходе которой уполномоченный субъект осуществляет свои функции в целях нормативного правового упорядочения значимых общественных отношений, а затем вносит коррективы, анализируя практические результаты собственных инициатив.

Однако с возможностями применения имплементации, формами ее реализации не все так просто. Законодатель не имеет оснований для переписывания под копирку либо зеркального отражения в нормативных правовых актах тех выводов и оценок, к которым пришли судебные органы. Необходимо проделать обрат-

ный путь воссоздания моделей общественных отношений, которые будут более адекватно и предметно отражать потребности нормативно-правового регулирования.

Имплементарной деятельности предшествует серьезная аналитическая работа, связанная с освоением не только большого массива судебной практики, но и отражаемых в нем научных идей. Потребуется критическое восприятие судебных актов, воссоздание в современных условиях лучших исторических традиций¹⁵, позволяющих восполнить острую нуждаемость и законодателя, и судей в исчерпывающих научных рекомендациях¹⁶.

Идея имплементации судебных решений в законодательство, как нам представляется, всегда виртуально рефлексировалась, но своей доктринальной формализации не получала. Законодательное закрепление она фактически получила в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», когда законодатель обязывался пересмотреть свои нормы в свете решения Конституционного Суда РФ. Однако до настоящего времени специалисты, как правило, анализируют парламентскую деятельность и феномен судебной практики отдельно друг от друга. Для внесения изменений в действующие законодательные акты авторы законопроектов чаще обращались к фактам, которые находили отражение в средствах массовой информации, правительственных или депутатских инициативах.

Системного подхода к судебной практике как первоисточнику, позволяющему иметь осведомленность о достаточном либо недоста-

точном, точном либо неточном, последовательном либо противоречивом, перспективном либо отсталом от современных требований закреплении воли законодателя, до настоящего времени не существует. Вместо организации эффективного сотрудничества между двумя ветвями государственной власти прибегают к традиционному противопоставлению их компетенций, явному либо скрытому осуждению судебного нормотворчества.

Между тем неизбежность последнего вызвана необходимостью принятия решения в рамках заявленного спора при любых пробелах и противоречиях в законодательных актах, а также преодолению при помощи руководящих разъяснений высшего судебного органа разноликости во взглядах и правовых оценках самого судебного корпуса. Судебное нормотворчество позволяет обеспечить максимальную защиту нарушенного права даже вне прямой зависимости от качества самих законов, иных нормативных правовых актов.

Судебная практика представляет собой ценное правовое поле, позволяющее проверить достоинства любого законодательного акта, поскольку в ней спорные отношения рассматриваются не умозрительно, а во всех возможных реалиях.

Признавая важность судебной практики для законотворчества, необходимо разобраться в основных направлениях предстоящей деятельности по реализации идеи имплементации. К числу таких направлений предлагается отнести:

– выявление по итогам судебного разбирательства доктринального соответствия законодательных актов высшим конституционным ценностям;

– предметный анализ обнаруженных судебной практикой ошибок, пробелов и противоречий в законодательном массиве;

– исследование коррупционной составляющей в гражданских правоотношениях с участием государ-

¹⁵ См.: Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 1: Теория и практика организации правосудия. М., 2009. С. 15—17.

¹⁶ См.: Судья. 2005. № 1. С. 3.

ственных и муниципальных чиновников;

оценку судебных актов и судебной деятельности на предмет их соответствия целям обеспечения полной и своевременной защиты нарушенного права. Последнее направление необходимо законодателю для того, чтобы не спешить с внедрением в законодательные акты выводов судебных органов, пока не будут выяснены причины отсутствия эффективной защиты нарушенного права.

Первое направление необходимых исследований связано с верховенством права и его пониманием. Естественнo-правовая доктрина, положенная в основу российской правовой системы, позволяет проводить очевидные различия между неотъемлемыми правами и произволом законодателя¹⁷.

Только в авторитарных условиях реализации политической воли ошибочных законодательных повелений и долженствований быть не может, поскольку и то и другое принадлежит абсолютному суверену.

Демократический режим организации власти предполагает ее связанность правом и верховенство права перед законом. Отсюда возникают потенциальные возможности и соблазны прибегнуть к закону вне зависимости от того, до какой степени его толкование и применение будут соответствовать идее верховенства основных прав и свобод¹⁸.

¹⁷ См.: *Гаджиев Г. А.* Российская судебная доктрина верховенства права: двадцать лет спустя // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Боренбойм. М., 2013. С. 213.

¹⁸ Идея приоритетов в защите основных прав и свобод человека и гражданина в современном мире двойных стандартов широко используется в качестве инструмента идеологической борьбы, а следом за ней блокового противостояния, создания псевдodemократических институтов, даже беззастенчивого военного вторжения для обеспечения собственных геополитических интересов.

Вмешательство государства в права и свободы граждан может иметь место. Но оно предполагает конституционное обоснование и необходимую соразмерность¹⁹. Если законодатель исходит только из соотношения между значимыми целями и рациональными средствами их достижения, то о правах человека в этой конструкции можно не вспомнить.

Все, что не соответствует основным правам и свободам человека, нашедшим конвенциональное и конституционное закрепление, выявляют КС РФ и ЕСПЧ, юрисдикцию которого признает Российская Федерация после вступления в Совет Европы и ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Мнение КС РФ, ЕСПЧ, как и любой иной судебной инстанции, принято воспринимать не в описательном виде, размывающим существенные и несущественные связи между юридически значимыми фактами. Используются аналитические приемы, позволяющие распространить рациональные выводы, полученные в рамках одного дела, на широкий круг аналогичных явлений²⁰.

Правовые позиции, выработанные судебными органами (в судебных актах, рабочих совещаниях судей, обзорах судебной практики, руководящих постановлениях) всегда носят рекомендательный характер²¹.

Аналогичные умозаключения, выработанные в науке, даже если они

В данной статье эти проблемы оставлены вне предмета исследования, верховенство права рассматривается в самом достойном виде без лицемерия и фальши.

¹⁹ См.: *Липкина Н. Н.* Принцип свободы усмотрения государств: правовые позиции Европейского суда по правам человека. Сاراتов, 2010. С. 109—111.

²⁰ См.: *Баранов В. М., Степанков В. Г.* Правовая позиция как общетеоретический феномен. Н. Новгород, 2003. С. 35.

²¹ См.: *Власенко Н. А., Гринева А. В.* Судебные правовые позиции (основы теории). М., 2009. С. 130.

основаны на материалах судебной практики, имеют доктринальный характер. В них тоже существует большая необходимость, поскольку помимо доктрины глубокие научные знания никем не представлены, а без них мера ясности права у разных пользователей не совпадает²².

По мнению Н. В. Витрука, которому принадлежало авторство по поводу формирования правовых позиций²³, наряду с ними существуют такие правовые явления, как правовые нормы, принципы, правоположения, прецеденты, акты судебного толкования, преюдиции, которые не следует смешивать²⁴.

Т. Г. Морщакова склонна видеть в правовых позициях больше преюдиции, чем прецедента²⁵. Независимо от особенностей взгляда на феномен правовых позиций как сложное правовое явление необходимо отметить такие их признаки, как подконституционность, интерпретационность, общеобязательность и устойчивость²⁶.

Выявленным несоответствиям между правом и законом требуется устранение чаще всего на федеральном уровне законодательной власти. Именно федеральный закон призван фиксировать основные институциональные элементы системы

общественных отношений, обеспечивать властное регулирование и эффективное управление в обществе²⁷.

Возведение в ранг закона воли законодателя является важным направлением государственной деятельности. Однако принятие закона вовсе не свидетельствует о завершенности правового регулирования, принятии окончательного публично-правового акта. Большинство законов лишь создает иллюзию достаточного нормативно-правового регулирования²⁸.

Судебная практика — источник новых законодательных инициатив. Без судебной практики законодатель не может в достаточной степени предвидеть последствия своей нормотворческой деятельности. Он не в состоянии обеспечить так называемую правозаконность, оберекая граждан на бесконечные мытарства по судебным учреждениям, которым сложно обеспечить оперативное рассмотрение всех заявленных требований в силу специфики их процессуальной деятельности.

Наглядным примером может служить порядок исчисления трудового стажа, дающего право на назначение трудовой пенсии тем гражданам, которые сами ранее пребывали в должности судьи.

Как известно, специальный судебский статус предполагает взамен пенсии, выплачиваемой из Пенсионного фонда РФ и назначаемой в связи с достижением установленного законодателем возраста, ежемесячные выплаты пожизненного со-

²² См.: Лазарев В. В., Липень С. В., Саидов А. Х. Проблемы общей теории *jus / отв. ред. В. В. Лазарев*. М., 2012. С. 395.

²³ См. Особое мнение судьи Н. В. Витрука к постановлению КС РФ от 1 апреля 1996 г. № 6-П.

²⁴ См.: Общая теория государства и права / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2013. Т. 3. С. 181; Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 3. С. 95—102.

²⁵ См.: Законодательство. 1999. № 5. С. 3.

²⁶ См.: Кряжкова О. Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Теоретические основы и практика реализации судами России. М., 2006. С. 29—37.

²⁷ См.: Юридическая техника / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. М., 2010. С. 8—12.

²⁸ См.: Гулиев В. К. Проблемы эффективности реализации законов как источников конституционного права России // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 9. С. 12; Андриенко Д. Г. Адекватность языка как условие эффективного публично-правового регулирования // Право и государство: XXI век — век перемен: сб. науч. ст. М., 2012. С. 47.

держания, которые перечисляются из федерального бюджета.

Пожизненное содержание предпочтительнее пенсии по возрасту, поскольку многократно превосходит ее по размеру. Однако для его назначения требуется соблюдение ряда условий, связанных со специальным трудовым стажем, иногда в сочетании с возрастом.

Многие судьи вынуждены сойти с избранной ими дистанции. Чаще всего это происходит по состоянию здоровья, не позволяющему продолжать судейскую деятельность с ее запредельными ненормированными нагрузками. Бывают и другие основания для прекращения профессиональной судебной деятельности до наступления событий, необходимых для назначения ежемесячного пожизненного содержания в полном размере либо пропорционально величине специального судейского стажа.

И здесь начинаются непредвиденные ранее метаморфозы. Весь период трудовой деятельности в качестве судьи, начиная с 1 января 2002 г., ему вовсе не засчитывается в общий стаж трудовой деятельности. Это связано с тем, что в трудовой стаж включается только период деятельности, за который поступают отчисления (страховые взносы) в Пенсионный фонд РФ²⁹.

Государство, ориентированное на будущее пожизненное содержание судьи, никаких отчислений в Пенсионный фонд за судей не производит. Поэтому судья, относящийся по классификации государственных служащих к высшей категории «А», при уходе в отставку до назначения ему содержания оказывался в положении асоциального лица, не имеющего понятия о трудовом стаже и какой-либо трудовой деятельности.

На нелепость и недопустимость подобного правового регулирования указал КС РФ в постановлении от 19 ноября 2012 г. № 27-П. Законодательству дано предписание о необходимости внесения изменений в законодательные акты. Однако они до настоящего времени не приняты, несмотря на то что попытки внесения изменений имели место за три года до рассмотрения дела в порядке конституционного судопроизводства.

Ранее помехой служили финансовые сложности, экономический кризис, в то время как масштабы несправедливости определяются недопустимостью подобного правового регулирования гораздо в большей степени, чем величиной предполагаемых финансовых затрат. Вероятно, и в настоящее время, по мнению законодателя, для надлежащего правового регулирования вполне достаточно тех разъяснений, которые даны КС РФ.

Правовые позиции КС РФ безусловно являются источником права³⁰. Однако это обстоятельство не освобождает законодателя от сбора правовой информации по тому или иному поводу, ее концептуального осмысления, разработки корректирующего законопроекта, подготовки сопроводительных документов для его рассмотрения и принятия парламентом, т. е. от прохождения всех этапов нормотворческой технологии³¹.

Другой аспект ущербного пенсионного статуса связан с передачей полномочий по их льготированию исключительно к компетенции субъектов РФ. В результате правом бесплатного проезда пенсионер может воспользоваться только у себя дома.

На протяжении последних трех лет общество бурно обсуждало проб-

²⁹ См. федеральные законы от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации».

³⁰ См.: Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005. С. 21.

³¹ См.: Юридическая техника / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. С. 26—31.

лему зависимости абонентов мобильной связи от своих операторов, не замечая еще большей зависимости самой незащищенной части населения от территориального прикрепления по месту постоянной регистрации. Средства массовой информации, ежедневно начинавшие и заканчивавшие новостные вещания сообщениями на фронте мобильных телефонных услуг, создавали обманчивое впечатление о том, что кроме гламурных проблем в России иных не существует, оставляя пенсионерам лишь судебную форму защиты своих гражданских прав.

Близкой к социальному обеспечению и достаточно разноликой темой является реализация права на труд. В статье 37 Конституции РФ закреплено право на свободный труд как основополагающее благо. Однако правильнее говорить о праве на результаты своего труда во всех его проявлениях.

Зарубежные законодательные акты пестрят запретами на использование рабского, т. е. бесплатного, труда³². Для российских реалий эти вопросы также чрезвычайно актуальны не только в связи с похищением людей и принуждением их к тяжелой работе, но и всевозможными традициями, имеющими корни в советском периоде отечественной истории, с выполнением неоплачиваемой работы, которой придавался порой статус почетной обязанности.

Если говорить точнее, то трудовая деятельность, без которой объективно ни одно общество существовать не может, выполняется одними, а отчеты представляют другие, претендуя на личное признание заслуг и оплату труда сообразно занимаемой высокой должности. При проведении конкурсного порядка замещения должностей стало обыкновением ссылаться не на профессиональные достижения, а на послужной список.

Такой порядок организации общественных отношений чрезвычайно далек от стандартов справедливости. Даже в научной сфере, где пропагандируется идея инноваций, повышения уровня проводимых исследований и, в частности, выполняемых диссертационных работ, вошло в норму использовать труд официальных оппонентов на безвозмездной основе. Такого явления не наблюдалось даже в советскую эпоху.

Европейский опыт совершенствования законодательства является разноликим. Большинство стран стремится к тому, чтобы создать совершенную систему позитивного права, которую используют в своей деятельности судебные учреждения.

В Англии, напротив, существующая традиция исходит из того, что первоначальный способ защиты права является судебным, следом за которым за дело принимается законодатель, проявляя заботу о надлежащем позитивном закреплении найденного способа защиты права. Подобный порядок действий тоже имеет право на существование, поскольку при возникновении социального конфликта первоначально защита права предоставляется судом. Немаловажную роль играет традиция судебных прецедентов.

В российских условиях приемлемыми и эффективными могут быть оба направления. Если создание системы позитивного (писаного) права относится к числу традиционных приоритетов, то имплементация судебных решений в законодательные акты становится насущной задачей встречного характера, решение которой позволит законодателю улучшить законопроектную деятельность.

Второе направление предстоящих исследований непосредственно связано с анализом ошибок, пробелов и противоречий, обнаруживаемых судом в ходе проводимых им разбирательств.

Ошибки законодателя представляют собой самую большую и разно-

³² См.: Апостолова Н. Н. Правовые позиции Страсбургского суда и российское судопроизводство. Ростов н/Д, 2012. С. 7.

ликую группу допускаемых погрешностей. Чаще всего они находятся в обозначенной сфере несовпадения требований закона и логики права.

Следует иметь в виду, что далеко не все проблемы, возникающие на этой почве в судебной практике, становятся предметом разбирательства в высших судебных инстанциях. Поэтому заслуживает внимания выявление нарушений принципа верховенства права при рассмотрении дел нижестоящими судебными инстанциями.

Обозначенная проблема является для российской правовой действительности наиболее сложной. Прежде всего по причине традиционного господства статутного права, многими десятилетиями обеспечиваемого государством приоритета законности в ущерб верховенству права. Многим поколениям чиновников привычнее заглянуть в циркуляр, чем размышлять над глубинами прав человека.

Огромный массив судебной практики связан с проверкой соответствия федеральному закону иных нормативных правовых актов меньшей юридической силы. Несмотря на успехи судебного нормоконтроля, проблемы здесь наблюдаются в неисчислимом количестве.

Прежде всего они связаны со множеством правовых презумпций. Мы презюмируем полное соответствие между Конституцией РФ и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Иное в научной литературе специалистами не выявлено, если оставить в стороне дискуссию последних двух лет и последовавшую законодательную новеллу о соотношении компетенции ЕСПЧ в вопросах защиты неотъемлемых прав с суверенными правами Российской Федерации, имеющими ориентацию на мнение КС РФ.

На этом наши презумпции не заканчиваются. Применительно к общегражданскому, а также экономическому обороту и самой судебной деятельности все федеральные законы полностью соответствуют Конституции как Основному закону Рос-

сийской Федерации до тех пор, пока иное не будет установлено КС РФ.

Подзаконные нормативные правовые акты полностью соответствуют федеральным законам, если иное не будет установлено судом либо арбитражным судом по обращению заинтересованного лица или прокурора, выступающего в защиту чужих интересов. Это тоже общепринятая презумпция, которая действует относительно к очевидным абсурдным фактам, выявляемым в судебном заседании.

Наконец, действия либо бездействие должностных лиц государственного и муниципального звена, наделенных определенными полномочиями, полностью соответствуют федеральному закону, если иное не будет установлено судебным решением.

Круг замкнулся. Указанными презумпциями мы создали логически выстроенную систему общественных отношений, в которой человеку бывает чрезвычайно некомфортно только потому, что ему жизни не хватит для бесконечных обращений в суд, которые будут вынужденными в силу некомпетентности должностных лиц, ошибок авторов ведомственного нормативного правового акта либо самого законодателя.

Конституция РФ провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, на защиту которых должны быть направлены усилия всего государственного аппарата. Тем не менее человеку и гражданину проще отказаться от своих прав и свобод, чем большую часть своей жизни провести в судебных заседаниях.

Наглядной иллюстрацией может служить право на жилище, поддерживаемое государством во всех программных документах. Реализовать такое право даже за собственные денежные средства всегда было довольно проблематично. Требовалось предоставление схемы планировочной организации земельного участка, заключений уполномоченных ор-

ганов по поводу соблюдения противопожарных и санитарных норм, правоустанавливающих документов на земельный участок и его кадастрового паспорта, копии кадастрового плана земельного участка, заверенного нотариусом, кадастровой выписки о земельном участке, копий документов, подтверждающих право на здания и строения, находящиеся на подлежащем хозяйственному освоению земельном участке, справок, содержащих информацию об объектах капитального строительства в границах земельного участка, технических условиях подключения объекта капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения, материалов действующей (актуализированной) топографической съемки территории земельного участка в местной системе координат на бумажном и электронном носителях в масштабе 1:500, содержащих сведения, необходимые для заполнения формы градостроительного плана земельного участка, утвержденной приказом Министерства регионального развития РФ от 10 мая 2011 г. № 207. Одна только актуализированная топографическая съемка предполагала оплату работ в размере от 40 до 80 тыс. руб. Не менее обременительными либо взяткоемкими выглядели многие другие требования из числа приведенных, связанные с различными согласованиями, где появлялось множество непреодолимых препятствий даже в самых заурядных условиях, не обремененных никакими охранными обязательствами.

Лишь в прошлом году указанная проблема нашла разрешение в судебной практике ВС РФ, который не согласился с оценками и выводами нижестоящих судов, поддержавших притязания местной администрации по всем указанным выше поводам.

Определением ВС РФ от 27 марта 2013 г. № 6-КГ12-11 многочисленные требования, предъявляемые к гражданам, признаны неправомерными, поскольку основаны на неверном понимании норм материального права.

Подготовка градостроительного плана земельного участка осуществляется в составе проекта межевания территории или в виде отдельного документа (ч. 1, 2 ст. 44 ГсК РФ). Согласно положениям ч. 6 ст. 43 ГсК РФ такая же возможность предусмотрена и в отношении застроенных земельных участков.

В соответствии с ч. 17 ст. 46 (об особенностях подготовки документации по планировке территории, разрабатываемой на основании решения органа местного самоуправления поселения или органа местного самоуправления городского округа) Кодекса при обращении физического лица в орган местного самоуправления с заявлением о выдаче ему градостроительного плана земельного участка проведение процедур, предусмотренных ч. 1—16 данной статьи, которые регламентируют последовательность действий органов местного самоуправления в связи с подготовкой документации, не требуется.

Указанный выше приказ № 207 Минрегионразвития России также не содержит и не может содержать каких-либо требований о предоставлении дополнительных документов при обращении за градостроительным планом.

Таким образом, многие из числа названных документов заявитель представлять не должен вовсе, а оставшиеся обязан собирать уполномоченный орган местной администрации в рамках оказываемой муниципальной услуги. Для ее получения достаточно лишь предоставления документа (общегражданского паспорта), позволяющего идентифицировать личность заявителя, что следует из Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Другая, не менее важная проблема, связанная с реализацией неотъемлемого права гражданина на жилище, затрагивает правовой режим земельного участка, на котором предполагается возведение жилого

дома. К счастью, эта проблема была решена еще раньше КС РФ, который в постановлении от 14 апреля 2008 г. № 7-П указал на то, что различия между земельными участками, находящимися в режиме индивидуального жилищного строительства и личного подсобного хозяйства, являются несущественными, если последние находятся в границах населенного пункта.

До настоящего времени на рынке недвижимости предлагаются земельные участки различного правового режима, включая участки в составе земель сельскохозяйственного назначения, лесного фонда, специальных охраняемых природных территорий, на которых заведомо не может быть разрешенного возведения объектов капитального характера, включая жилые дома.

Эти земли были приобретены за ничтожно малые средства, но вступают на рынке недвижимости в недобросовестную конкурентную борьбу с предложениями о продаже тех участков, которые предназначены для индивидуальной жилищной застройки. Государство от этой проблемы устранилось либо осуществляет заведомо недостаточные контрольные функции, несмотря на то что государственная регистрация перехода права на все объекты недвижимости отнесена к компетенции уполномоченных им государственных органов.

Возникла даже борьба за клиентов между органами государственного кадастра, имеющими право регистрировать сделки, совершаемые в простой письменной форме, и нотариусами, предлагающими более дорогостоящую форму совершения сделки.

Совершенно очевидно, что обязательная нотариальная форма совершения сделок с землей для государства не предполагает никаких затрат. Для граждан она могла быть введена в обязательном порядке в том случае, когда у органа государственного кадастра возникали сомнения по поводу режима зем-

лепользования. Ни один нотариус, несущий личную имущественную ответственность за законность удостоверяемой сделки, не пропустил бы режим землепользования, который должен быть известен и продавцу, и покупателю.

Однако до сих пор продолжают бесконечные жульнические операции, основанные на мошенничестве либо добросовестном заблуждении, огромные вложения в строительство неосведомленных либо легкомысленных субъектов с перспективой принудительного сноса объекта неразрешенного строительства (самовольной постройки).

Приведенные примеры наглядно демонстрируют и глубину, и сложность, и социальную значимость взаимосвязанных проблем, на скорейшее решение которых должны быть направлены усилия законодателя. Его успехи предопределяются той детализацией, которую обеспечивает судебная практика.

Эти примеры указывают и на то, что идея имплементации судебных решений в законодательные акты не должна оставаться абстрактной. Она не может быть ориентированной на случайный выбор исследователя либо на его субъективные предпочтения. Судебная практика нуждается в систематизации, без которой невозможно проведение планомерных исследований.

Объективное основание для взаимодействия законодательной и судебной власти предопределено тем, что верховенство права должно стать смыслом всей их деятельности, а не эфемерным призраком на фоне всемогущей буквы закона.

Наряду с ошибками и неточностями, допущенными законодателем, нас интересуют проблемы в правовом регулировании, способы их преодоления на уровне так называемого судебного нормотворчества. К нему нельзя относиться безразлично как результату рутинной судебной деятельности, вынужденного разрешения всех заявленных споров вне за-

висимости от степени правовой определенности спорных правоотношений. Каждый эпизод создания судом квазинормативных предписаний законодателю необходимо анализировать, не останавливаясь на констатации того или иного факта судебной нормотворческой деятельности.

В правовом регулировании не менее частым явлением выступают противоречия. Они обусловлены сменой стиля законодательной деятельности постсоветского периода. Ранее принимался только тот закон, который исключал его нахождение в конфликте с иными правовыми актами того же уровня при исчерпывающем перечне подзаконных актов, требующих модификации.

В настоящее время законодательская деятельность ускорила до такой степени, что поиск, обнаружение, толкование всех различий и противоречий возложено на плечи правоприменителя. От этого положение гражданского общества, безусловно, усугубляется.

Но и с выводами о противоречиях спешить не следует. При наличии полного порядка в законах беспорядок может возникать при их реализации. Социальные конфликты могут возникать как при недостатке правовой регламентации, так и при ее избытке³³.

Чиновник часто склонен искать смысл в запретах и ограничениях гражданских прав, поскольку так ему живется спокойнее. Предоставление права предполагает последующую ответственность за результаты разрешенной деятельности. Запрет освобождает практически от любой ответственности. Граждане вынуждены без меры прибегать к судебной защите. А суд неизбежно проделывает ту работу по отслеживанию противоречий, от которой когда-то законодатель уклонился.

Третье самостоятельное направление предстоящих исследований связано с анализом коррупционных связей, выявляемых в ходе рассмотрения судами гражданских дел, к преодолению которых имеет огромный интерес законодатель.

Коррупционеры, как известно, способны извлекать выгоду при любых условиях — и при бурном социальном развитии, и во времена экономического спада, и в мирное, и в военное время. Актуальность приобретают не столько частные коррупционные проявления, сколько системные связи и направленность моделей поведения на сторону чиновного усмотрения либо гарантированной реализации гражданских прав.

Иллюстрацией могут служить установленные государством квоты на оказание высокотехнологичных, а потому и дорогостоящих медицинских услуг. Порядок, при котором медицинские учреждения в субъектах РФ могут направлять пациентов в другие регионы, имеющие возможность оказать необходимую высококвалифицированную помощь, является полезным.

Однако опасность связана с тем, что при отсутствии дополнительного вознаграждения за проявленное к нему внимание пациент может быть направлен в другой регион, в то время как ему могла быть оказана аналогичная медицинская помощь рядом с домом. Поэтому правила реализации квотирования необходимо менять.

Организацию работы по распределению квот требуется проводить максимально открыто и подотчетно, а с пациентом вопросы предоставления услуг должны в обязательном порядке согласовываться. Иначе возникает почва для чиновных злоупотреблений, последующей судебной формы защиты права, которая в случае плохого самочувствия заинтересованного лица будет крайне затруднена.

³³ См.: Лазарев В. В. Сколько нужно законов // Лазарев В. В. Избранные труды. Т. I: Закон. Законность. Применение закона. М., 2010. С. 449—455.

Цивилисты, административисты и теоретики права, занятые вопросами имплементации судебных решений в законодательные акты, не обязаны переквалифицироваться в криминалистов и криминологов. Но отмеченные междисциплинарные проблемы необходимо видеть, понимать и своевременно преодолеть в законопроектной деятельности.

Особая роль принадлежит научному видению тех вопросов, которые приобретают актуальность первоначально в судебной, а затем и законодательной деятельности. Имплементируя смысловые и наиболее содержательные правовые связи между различными фактами и участвующими в спорных отношениях субъектами, опосредованным образом становится очевидной цепочка условий, позволяющих воспроизводиться коррупционным связям.

Анализ гражданско-правовых явлений не исключает, а предполагает участие исследователя в выработке рекомендаций антикоррупционного свойства. Цивилисты вполне способны указать причины, в силу которых гражданские права беспрепятственно реализуются либо буксуют, тормозятся, имеют издевательскую форму защиты.

Наконец, четвертым направлением предстоящих масштабных исследований, связанных с реализацией идеи имплементации, является вдумчивый анализ самой судебной деятельности и принимаемых судами актов на предмет достаточности и адекватности предоставляемого объема надежной защиты гражданских прав, их соответствия признаваемым государством высшим человеческим ценностям.

В. Д. Зорькин обращал внимание на то, что проблемы суда и правосудия замолчать невозможно. Вопросы связаны только с допустимыми пределами дискуссий по этому поводу и их целями³⁴.

³⁴ См.: Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 299.

Всеми специалистами признается необходимость нахождения судебной власти, как и иных ветвей государственной власти, под контролем общества. Но никто не может предложить деликатные, оправданные, полезные и эффективные способы подобного контроля, обеспечивающие независимость судебной власти.

Как нам представляется, суд должен иметь полную независимость при рассмотрении дела и принятии решения. Но он не может иметь индульгенцию, освобождающую от последующего анализа принятых решений на доктринальном уровне.

Поэтому четвертое направление исследований судебной практики следует именовать превентивным. Оно позволяет предупредить от поспешных выводов и слепого копирования судебных актов, проверить их на предмет соответствия истинной воле законодателя.

Независимость судебной власти нельзя возводить в абсурдный ранг папской непогрешимости. Ошибки могут совершаться всеми людьми. Особенно явно они проявляются при смене идеологии либо изменении экономических условий. Поэтому гораздо важнее в сотрудничестве с судебной властью проводить последующий предметный и содержательный научный анализ результатов огромной работы по разрешению споров, их использованию в последующей законотворческой деятельности.

Идея имплементации родилась не вчера и в последние годы широко обсуждалась³⁵. Однако в настоящее время эта идея вышла за грань только доктринального понимания, перейдя в плоскость необходимой реализации как межгосударственного суда, так и национальных судов.

³⁵ См.: Грачева С. А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского Суда по правам человека. М., 2012.

Библиографический список

- Андриенко Д. Г. Адекватность языка как условие эффективного публично-правового регулирования // *Право и государство: XXI век — век перемен: сб. науч. ст. М., 2012.*
- Апостолова Н. Н. Правовые позиции Страсбургского суда и российское судопроизводство. Ростов н/Д, 2012.
- Баранов В. М., Степанков В. Г. Правовая позиция как общетеоретический феномен. Н. Новгород, 2003.
- Бернам У. Правовая система США. Вып. 3. М., 2006.
- Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.
- Бруно Л. Свобода и закон. М., 2008.
- Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // *Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1999. № 3.*
- Власенко Н. А., Гринева А. В. Судебные правовые позиции (основы теории). М., 2009.
- Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М., 2005.
- Гаджиев Г. А. Российская судебная доктрина верховенства права: двадцать лет спустя // *Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Боренбойм. М., 2013.*
- Грачева С. А. Конституционное правосудие и реализация решений Европейского Суда по правам человека. М., 2012.
- Гук П. А. Нормотворческая функция высших судебных органов России // *Правовое государство и правосудие: проблемы теории и практики: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (15—19 апреля 2013 г.). М., 2014.*
- Гулиев В. К. Проблемы эффективности реализации законов как источников конституционного права России // *Конституционное и муниципальное право. 2006. № 9. Законодательство. 1999. № 5.*
- Исаев И. А. Власть и закон в контексте иррационального. М., 2006.
- Исаев И. А. Нормативность и авторитарность. Пересечения идей. М., 2014.
- Кряжкова О. Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. Теоретические основы и практика реализации судами России. М., 2006.
- Лазарев В. В. Диссеминация науки в Конституционном Суде РФ // *Правовое государство и правосудие: проблемы теории и практики: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (15—19 апреля 2013 г.). М., 2014.*
- Лазарев В. В. Инновационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации как разновидность практики конституционализма // *Судья. 2013. № 12.*
- Лазарев В. В. Прецедент: реалии и перспективы в российском праве // *Российское правосудие. 2012. № 4.*
- Лазарев В. В. Сколько нужно законов // *Лазарев В. В. Избранные труды. Т. I: Закон. Законность. Применение закона. М., 2010.*
- Лазарев В. В., Липень С. В., Саидов А. Х. Проблемы общей теории *jus / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2012.*
- Липкина Н. Н. Принцип свободы усмотрения государств: правовые позиции Европейского суда по правам человека. Саратов, 2010.
- Общая теория государства и права / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2013. Т. 3.
- Оливекрона К. Право как факт // *Российский ежегодник теории права. 2008. № 1.*
- Реутов В. П. Судебная практика и юридическая наука: взаимодействие в процессе развития законодательства // *Правовое государство и правосудие: проблемы теории и практики: матер. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (15—19 апреля 2013 г.). М., 2014.*
- Суд как субъект правовой политики / под ред. А. В. Малько. М., 2014.
- Судья. 2005. № 1.
- Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012.
- Фурсов Д. А., Харламова И. В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Т. 1: Теория и практика организации правосудия. М., 2009.
- Хайек Ф. А фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2010.
- Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб., 2011.
- Юридическая техника / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. М., 2010.
- Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1: Возвращение Левиафана. М., 2004.